В соответствии с Положением от 5 мая 2009 г. № 22 «О муниципальной поддержке инновационной деятельности на территории города Таганрога» определены цели, принципы инновационной политики города Таганрога, а также приоритетные направления Городской инновационной научно-технической программы. Инновационная политика города базируется на равноправном участии органов местного самоуправления, в том числе органов Администрации города Таганрога с правами юридического лица и субъектов инновационной деятельности и направлена на объединение усилий и ресурсов города и частного капитала для развития инновационной деятельности.

В целом можно выделить базовые принципы, на которых основывается инновационная политика города Таганрога в настоящее время — это: признание социальной значимости инновационной деятельности и ее определяющего влияния на уровень и темпы развития экономики города; гласность выбора приоритетных направлений инновационной деятельности, механизмов формирования и реализации городских программ, направленных на развитие инновационной деятельности; интеграция инновационной, инвестиционной, научно-технической и научно-образовательной деятельности с целью обеспечения их комплексного взаимодействия с производством в условиях многоукладной экономики; стимулирование инновационной деятельности; создание благоприятных условий для субъектов инновационной деятельности, способствующих созданию и развитию производства конкурентоспособной инновационной продукции; формирование сбалансированных механизмов развития инновационной деятельности в городе. Однако наши исследования показывают, что для активизации инновационных процессов необходима разработка и принятие эффективного законодательства, обеспечивающего стабилизацию в экономической и социальной сфере и способствующего возобновлению экономического роста на основе инноваций и инвестиций.

О ПОНЯТИИ «ПРАВОПРЕЕМСТВО ГОСУДАРСТВ» В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

Михалева Т.Н., Национальный центр законодательства
и правовых исследований Республики Беларусь

В доктрине международного права нет единого мнения относительно термина «правопреемство» и его определения. Как отмечают многие ученые, сам термин «правопреемство» не вполне точен и даже противоречив [1, с. 12]. Следует согласиться с Я. Броунли (Великобритания), что термин «правопреемство» употребляется для обозначения «источника проблем: он никоим образом не подразумевает наличия какой бы то ни было презумпции перехода либо наследования юридических прав и обязанностей» [2, с. 373].

При рассмотрении проблем правопреемства государств проводят отличие правопреемства де-факто (фактическое правопреемство) от правопреемства де-юре

(юридическое правопреемство). Определение правопреемства, данное в Венской конвенции о правопреемстве государств в отношении договоров 1978 года (далее — Конвенция 1978 года) (п. 1b ст. 2), Венской конвенции о правопреемстве государств в отношении государственной собственности, государственных архивов и государственных долгов 1983 года (далее Конвенция 1983 года) (п. 1a ст. 2), Проекте статей о гражданстве физических лиц при правопреемстве государств, принятый Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 12 декабря 2001 г. № 55/153 (далее Проект статей) (п. а ст. 2), относится к фактическому правопреемству государств. Это подтверждается и положениями статей 1 обеих конвенций и Проекта статей, где указано на их применение «к последствиям правопреемства государств». Определение правопреемства государств, закрепленное в указанных актах — смена «одного государства другим в несении ответственности за международные отношения какой-либо территории» — сегодня прочно вошло в употребление. Данная формулировка обоснованна только для Конвенций 1978 г. и 1983 г., поскольку кодификационный процесс происходил под влиянием деколонизации. Фраза «несение ответственности за международные отношения какой-либо территории» не вполне благозвучна и сужает круг объектов правопреемства государств. На современном этапе развития международного права правопреемство связано не только с внешним аспектом, но и с вопросами внутреннего правопорядка.

Такие определения правопреемства де-факто как «переход суверенитета», который происходит при «территориальных изменениях в государстве» также не вполне точны: территориальные изменения могут касаться не только вопросов правопреемства, а говорить о переходе суверенитета вообще не представляется возможным, поскольку суверенитет неотъемлем от государства, «привязан» к личности государства и не может быть передан.

Иногда в определении правопреемства указывают, при каких именно фактических ситуациях происходит правопреемство [3, с. 111]. На наш взгляд, это не оправданно «перегружает» определение, задача которого максимально сжато, но точно выразить суть явления.

Что касается юридического правопреемства, то нельзя согласиться, что правопреемством государств является переход прав и обязанностей одного государства к другому [4, с. 298; 5, с. 140]. Во-первых, переход прав и обязанностей может быть обусловлен не только ситуацией правопреемства. Во-вторых, переход прав и обязанностей, а также объем, механизмы такого перехода при правопреемстве не всегда предопределены. Наиболее точным является определение юридического правопреемства как правовых последствий смены суверенитета над территорией, представленное в некоторых источниках советской и зарубежной доктрины международного права [6, с. 122; 7, с. 161], нашедшее подтверждение в практике Международного Суда ООН [8]. Такое определение отражает двоякую правовую сущность правопреемства: юридическое правопреемство обусловлено, возникает как результат фактической ситуации [9, с. 64—65]. Это не просто юридический факт, но и возникающие на его основании длящиеся последствия, процесс перехода (либо неперехода) прав и обязанностей, правовая связь.

В определении важно обозначить субъектов правоотношений. В процессе правопреемства государств необходимо наличие как минимум двух государств [10, с. 190], как минимум одного государства в качестве предшественника и одного в качестве преемника. Неоправданно расширительной является позиция, высказанная в советской доктрине В.А. Марухяном: правопреемство государств это «международно-правовые отношения между государством-предшественником, государством-преемником и их контрагентами» [11, с. 5]. По мнению А.Ю. Перевезенцева (Украина), государство-предшественника и государство-преемника необходимо характеризовать как основных субъектов правопреемства, «третьи государства — их контрагенты» являются дополнительными субъектами правопреемства [12, с. 8]. По нашему мнению, правоотношения правопреемства государств исключительно двусторонние: с одной стороны, это государство-предшественник (-и), с другой стороны, это государство-преемник (-и).

В определении правового явления целесообразно указывать его правовые основания. Ряд ученых (Д.И. Бараташвили [13, с. 100], Г.В. Игнатенко [14, с. 121] представители советской юридической мысли, П. Пуотти — Италия [15, с. 205]) придерживаются позиции, что основанием правопреемства является волеизъявление государства. По мнению Л.В. Власовой, к оценке значения волеизъявления государства-преемника следует подходить дифференцированно [16, с. 26]. М.М. Аваков, Н.В. Захарова, не отрицая значение суверенной воли государства при определении пределов правопреемства, подчеркивали роль международного права в данном процессе [17, с. 26; 1; с. 12]. В Конвенции 1978 г. содержится положение о том, что волеизъявление государства, выражено ли оно в виде одностороннего акта (ст. 9), или соглашения между государством-предшественником и государством — преемником (ст. 8), не носит абсолютный характер, приветствуется достижение взаимного согласия путем дву- и многосторонних договоренностей — но строго в соответствии с действующими принципами и нормами международного права. Полагаем, первичным правовым основанием правопреемства государств являются соответствующие нормы международного права (общие и специальные, универсальные и локальные и т.п.).

Указание в определении правопреемства государств на целевую направленность данного института — обеспечение преемственности — будет способствовать более эффективному его применению, реализации сущностных задач [18]. Под правопреемством государств следует понимать юридические последствия смены государственного суверенитета над определенной территорией, основанные на нормах международного права и направленные на максимально возможный уровень преемственности между государством-предшественником и государством-преемником.

Литература:

1. Захарова, Н.В. Правопреемство государств / Н.В. Захарова. — М.: Междунар. отношения, 1973. — 128 с.
2. Броунли, Я. Международное право: в 2 кн. — Кн. 2 / Я. Броунли; под ред. Г.И. Тункина. — М.: Прогресс, 1977. — 507 с.

3. Ушаков, Н.А. Международное право / Н.А. Ушаков. — М.: Юрист, 2000. — 304 с.
4. Словарь международного права / Бацанов С.Б., Ефимов Г.К., Кузнецов В.И. [и др.]. — М.: Междунар. отношения, 1986. — 432с.
5. Международное право: учебник / Л.П. Ануфриева [и др.]; отв. ред. Г.М. Мелков. — М.: РИОР, 2009. — 720 с.
6. Курс международного права: в 7 т. / Редкол.: В.Н. Кудрявцев (гл. ред.) и др.; [АН СССР, Ин-т госу- дарства и права]. — Т. 3 — Т.3: Основные институты международного права. — М.: Наука, 1990. — 259 с.
7. Akehurst, M. A modern Introduction to International Law. — 7th rev.ed. / P.Malanchuk. — London: Routledge, 1997. — 449 p.
8. Case Concerning Application of^F the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide Case (Bosnia-Herzegovina v.Yugoslavia, Prelim. Objections, 11.07.1996): I.C.J. Reports 1996. — International Court of Justice [Electronic Resource]. — Mode of access: 611 <http://www.icj-cij.org/docket/files/91/7349.pdf>. — Date of access: 23.07.2010.
9. Brueggemann, B. Probleme der Staatensukzession — Erlautert am Beispiel der Unabhaengigkeit Namibias / B. Brueggemann. — Muenster: Westf., 1992. — 227 p.
10. Zemanek, K. State Succession After Decolonization / K. Zemanek // Succession d'Etats: Recueil des cours. — 1965. — Vol.116. — P. 181 — 300.
11. Марухян, В.А. Правопреемство государств в современном международном праве: автореферат дис. ... канд. юрид. наук / В.А. Марухян. — Баку, 1974. — 20 с.
12. Перевезенцев, О.Ю. Міжнародно-правове регулювання штитуту правонаступництва міжнародних договорів: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.11 / О.Ю. Перевезенцев; Київський національний ун-т ім. Тараса Шевченкаю — Киев, 2004. — 18 с.
13. Бараташвили, Д.И. Новые государства Азии и Африки и международное право / Д.И. Бараташ- вили. — М.: Наука, 1968 — 245 с.
14. Игнатенко, Г.В. От колониального режима к национальной государственности / Г.В. Игнатен- ко. — М.: Междунар. отношения, 1966. — 158 с.
15. Puoti, P. Yugoslavia Dissolution Before the ICJ: the Need for a New Approach to State Succession / P.Puoti // The Italian yearbook of international law. — 2006. — Vol.16 — P. 187—213.
16. Власова, Л.В. Правопреемство государства в отношении договоров / Л.В. Власова. — Минск : Изд-во БГУ им. В.И. Ленина, 1982. — 95 с.
17. Аваков, М.М. Правопреемство освободившихся государств / М.М. Аваков. — М.: Междунар. отношения, 1983. — 191 с.
18. Михалева, Т.Н. К вопросу о сущности правопреемства государств / Т.Н.Михалева // Право в современном белорусском обществе: сб. науч. тр. / Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь; редкол.: В.И. Семенков (глав.ред.) [и др.]. — Минск: Право и эконо- мика, 2010. — Вып. 5. — С. 142—149.

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ МОДЕРНИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ

Мордовцева Т.В., доктор культурологии, профессор,
Таганрогский институт управления и экономики

В исследованиях российских авторов выявляется очевидная связь между науч- ной картиной мира, господствующей формой экономических отношений и типом хозяйства. Модель национальной экономики вводит различия относительно сло- жившихся и устоявшихся веками типов хозяйственной деятельности и соответ- ствующего им стиля мышления, которые всегда присутствуют в глубинных струк- турах социальных связей и влияют на темпы и результаты любых изменений, в